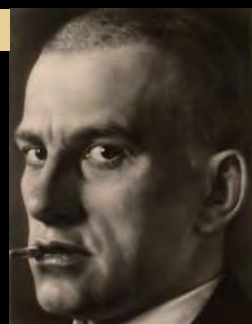

Василий Щукин **Лекции по истории
русской литературы XX века
(1917–1985)**

Василий Щукин **Лекции по истории
русской литературы XX века
(1917–1985)**

Kraków 2022

© Василий Щукин, 2022
Ягеллонский университет в Кракове
ID <https://orcid.org/0000-0001-9083-6730>
✉ wasilij45.szczukin@uj.edu.pl

Рецензенты
Профессор, доктор наук Изабелла Малей
Доктор наук Александр Вавжинчак

Редакция
Кристина Воронцова

Проект обложки
Леслав Славински

ISBN 978-83-8138-735-4 (PDF)
<https://doi.org/10.12797/9788381387354>

Издание при софинансировании филологического факультета
Ягеллонского университета

На обложке использованы фотографии с Интернет-страниц:

Дом-музей Бориса Пастернака (<https://ivstory.ru>)
WYME (<https://wyme.ru>)

Пензенский областной драматический театр им. А.В. Луначарского
(<https://www.penzateatr.ru>)

Евпатория. Отдых и лечение (<http://www.evpatori.ru>)

Обсуждаем шарж Борис Пастернак (<https://yandex.ru>)
<https://avatars.mds.yandex.net>

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA
ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków
tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43
e-mail: publishing@akademicka.pl

Интернет-магазин: <https://akademicka.com.pl>

Светлой памяти друзей-филологов –

*Бориса Фёдоровича Егорова,
Юрия Владимировича Манна,
Сергея Ивановича Кормилова
и Николая Алексеевича Богомолова*

Оглавление

Вводные замечания	11
Периодизация литературного процесса в XX веке.	15
Литература эпохи революции и Гражданской войны	19
Революция или переворот?.....	19
Зло и добро революции.....	20
Социализм и коммунизм: утопия и реальность.....	24
Литература в период Гражданской войны – общий обзор.....	27
Пролеткульт	38
У истоков советской идеологии. Некрофилия борьбы	45
Литературные группировки двадцатых годов	55
Поэзия периода революции и двадцатых годов	67
Футуризм.....	67
Владимир Владимирович Маяковский	75
Дореволюционная лирика Маяковского. Поэма <i>Облако</i> <i>в штанах</i>	78
Послереволюционная лирика Маяковского	84
Послереволюционные поэмы Маяковского	93
Драматургия Маяковского.....	99
Сергей Александрович Есенин.....	107
Даниил Иванович Хармс	121
Проза двадцатых годов: авангард и окрестности	131
Евгений Иванович Замятин.....	133
Борис Андреевич Пильняк.....	140
Фёдор Васильевич Гладков.....	146
Михаил Михайлович Зощенко	148
Илья Григорьевич (Гиршович) Эренбург	153
Илья Арнольдович Ильф	158
Евгений Петрович Петров	158
Валентин Петрович Катаев.....	168
Исаак Эммануилович Бабель.....	173

Юрий Карлович Олеша	182
Александр Степанович Грин	192
Михаил Афанасьевич Булгаков	201
Проза	211
Драматургия	214
Заветный роман	218
Андрей Платонович Платонов	225
«Первозданный» язык	235
Романы конца двадцатых годов	236
Повести тридцатых годов	244
Литература тоталитарного периода (1929–1953)	251
Историческая обстановка	251
Социалистический реализм	255
Александр Александрович Фадеев	263
Николай Алексеевич Островский	265
Константин Александрович Федин	268
Леонид Максимович Леонов	272
Алексей Николаевич Толстой	276
Михаил Александрович Шолохов	280
Другие выдающиеся прозаики тридцатых годов	287
Поэзия двадцатых и тридцатых годов	303
Анна Андреевна Ахматова	303
Марина Ивановна Цветаева	311
Осип Эмильевич Мандельштам	320
Драматургия двадцатых и тридцатых годов	327
Николай Робертович Эрдман	327
Евгений Львович Шварц	331
Литература периода Второй мировой войны (1941–1945)	335
Литература послевоенного восьмилетия (1945–1953)	341
Характеристика эпохи	341
Политика властей в области литературы	345
Обзор литературных тенденций. Наиболее выдающиеся произведения	357
Борис Леонидович Пастернак	365
Жизнь Пастернака, его личность и характер	366
Несколько слов о лирике Пастернака	374
Проза	381
Главный роман	383
Нобелевская премия	391
Литературное творчество первой волны эмиграции (1918–1951)	397
Иван Алексеевич Бунин	399

Борис Константинович Зайцев	403
Михаил Андреевич Осоргин	407
Иван Сергеевич Шмелёв	410
Марк Алданов.	412
Гайтó Иванович Газданов	414
Владислав Фелицианович Ходасевич	417
Саша Чёрный	422
Георгий Владимирович Ива́нов.	423
Владимир Владимирович Набоков	425
Происхождение, биография, характер	425
Русские романы	433
Американские романы.	440
Эпоха советского декаданса (1954–1985)	445
Литература расчёта с прошлым. Лагерная тема	453
Александр Исаевич (Исаакович) Солженицын.	453
Варлам Тихонович Шаламов	468
Василий Семёнович Гроссман	474
Георгий Николаевич Владимов	485
Городская проза. Молодёжная проза	493
Юрий Валентинович Трифонов	495
Владимир Викторович Орлов	500
Василий Павлович Аксёнов	501
Сергей Донатович Довлатов	508
Деревенская проза 1960–1980-х годов.	513
Фёдор Александрович Абрамов	515
Виктор Петрович Астафьев	517
Василий Макарович Шукшин	521
Валентин Григорьевич Распутин.	526
Реалисты без определенного направления. Нравственная и экзистенциальная проблематика	531
Владимир Фёдорович Тендряков	531
Владимир Семёнович Маканин.	534
Сатира, гротеск, сюрреализм и ранний постмодернизм	539
Абрам Терц	540
Венедикт Васильевич Ерофеев	544
Владимир Николаевич Во́йнович.	548
Саша Соколов.	552
Научная фантастика	557
Иван Антонович Ефремов	557
Братья Стругацкие	562

Мифопроза	571
Чингиз Торекулович Айтматов	571
Поэзия шестидесятых – восьмидесятых годов	579
Иосиф Александрович Бродский	580
Евгений Александрович Евтушенко	587
Андрей Андреевич Вознесенский	590
Белла Ахатовна Ахмадулина	592
Ленинградская поэтическая школа	595
Авторская песня и поэты-барды	599
Библиография	603
Список иллюстраций	615
Summary	629
Указатель имён	633

Вводные замечания

Если мы посмотрим на историю любой национальной литературы глазами студента-филолога, которому приходится сдавать экзамен по этому предмету, то вряд ли ошибёмся, если скажем, что такой экзамен, с одной стороны, сдать легче, чем языковедческие дисциплины хотя бы потому, что профессиональный язык историков литературы ближе к общеупотребительному языку и не перегружен специальными терминами. Но, с другой стороны, чтобы сдать польскую или, скажем, французскую литературу, нужно прочитать гораздо больше книг и освоить куда более обширный исторический материал, чем в случае любого, даже самого трудоёмкого лингвистического предмета. Если же нам необходимо сдать экзамены по русской истории литературы в три этапа – после первого, второго и третьего курса бакалаврской степени обучения, – то мы отдаём себе отчёт в том, что сдать экзамен после первого курса, от Нестора до Гоголя, трудно, после второго курса, от Тютчева до Маяковского, ещё труднее, но труднее всего сдать экзамен по русской литературе XX века, от октябрьской революции до горбачёвской перестройки, на третьем курсе, одновременно со сдачей итогового экзамена по практическому курсу русского языка и с написанием бакалаврской дипломной работы.

Именно поэтому, мечтая о том, чтобы дать электронный учебник по русской литературе в руки каждому студенту, я не задумываясь отдал предпочтение XX веку, изучение литературы которого вызывает больше всего трудностей. Содержание предлагаемой книги полностью соответствует актуальной программе названного предмета. Оно охватывает все произведения, обязательные для чтения, все произведения, упомянутые в перечне рекомендованной для чтения литературы, и даже больше, потому что я счёл нужным дать студенту представление и о литературной жизни всех эпох, сменявших друг друга в прошлом столетии, и об интересных фактах из жизни писателей, и о тех сочинениях русских классиков XX века, которые не упомянуты ни в одном из помещённых в программе и в синлабусах списков.

Однако предлагаемая читателям книга – не учебник в точном значении этого слова. Она содержит цикл лекций, которые я читал для студентов русской филологии на третьем курсе бакалаврского цикла обучения. Жанр лекции отличается от жанра учебника в первую очередь тем, что первые

предназначены для прослушивания, которое очень часто связано с эмоциональными переживаниями как преподавателя, так и студентов. Устная речь, как правило, отличается живостью, спонтанностью и меньшей степенью логического продуманности и организованности, чем письменный текст. В основе же учебника лежит тщательно продуманная рациональная схема. В нём меньше сенсационных моментов, рассчитанных на живую реакцию аудитории, а следовательно, на успех лектора. Лекции, как правило, интереснее учебника, потому что они живее. А это значит, что они не лишены субъективности, которой всегда отличается живая мысль и спонтанная устная речь. Зато готовиться к экзаменам всё-таки легче по учебнику, в котором упомянуты все важные факты, а суждения авторов построены таким образом, чтобы свести их субъективность к минимуму. Поэтому я рекомендую студентам при подготовке к экзамену не ограничиваться данной книгой, а дополнить свои знания, заглянув в академический учебник под редакцией Анджея Дравича (*Historia literatury rosyjskiej XX wieku. Praca zbiorowa*. Под редакцией Анджея Дравича, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997; wydanie drugie – 2002) или же в один из учебников, по которым учатся ваши коллеги в России и сопредельных ей странах, например: *Русская литература 20 века (1917-1920-е годы)*. Книга 1 и 2. Редактор Н.Л. Лейдерман, Москва 2012; *Русская литература XX века. 1930-е – середина 1950-х годов. Учебное пособие для студентов учреждений высшего образования. В 2-х томах*. Москва 2012). Любителям оригинальных взглядов и субъективных оценок можно посоветовать книгу известного русского писателя, поэта, критика и публициста Дмитрия Быкова – Д. Быков, *Советская литература. Краткий курс*, Москва 2013.

Само собой разумеется, что никакие лекции не могут охватить всего богатства того предмета, которому они посвящены. Мои лекции не являются исключением. Я умышленно больше писал о тех историко-литературных проблемах, в том числе о писателях и их произведениях, которые польским студентам понять всего труднее. О проблемах, которые подробно освещены в существующих учебниках, я писал не столь обширно. Кроме того, одни литературные факты и одни писатели вызывают больший интерес у авторов, а другие – меньший. Если, к примеру, мне больше нравится Борис Пастернак и меньше нравится Михаил Шолохов, то ничего удивительного в том, что о Пастернаке я напишу больше и интереснее, а о Шолохове – меньше и не так оригинально.

И последнее замечание. В основе предлагаемых читателю лекций по русской литературе XX века лежит принцип двойной оптики рассмотрения излагаемых фактов. Их автор – человек русский и более того – он современник тех событий литературной жизни, которые описаны во второй части книги, посвящённой послевоенной литературе. Его мнения и оценки выражают русскую точку зрения на историю его отечества и, шире, всей Европы. С другой же стороны, в предлагаемых лекциях учтены также те проблемы

и трудности, с которыми может столкнуться именно польский студент, чья точка зрения имела для автора огромное значение. Ведь эти лекции не просто записаны на магнитофонную плёнку или на цифровой диктофон, они были написаны, как пишется научно-популярная книга или даже учебник – по возможности ясно, обстоятельно, а главное – с неизменным уважением к студентам, которые будут их читать.

Пусть же эта книга поможет всем вам подготовиться к экзамену и сдать его самым успешным образом. Если же то, что в ней написано, хотя бы частично сохранится в вашей памяти, можно будет считать, что сей скромный труд удался на славу.

Василий Щукин
Краков, август 2021 года

Периодизация литературного процесса в XX веке

Календарный двадцатый век длился с 1901 по 2000 год. Его начало совпало с серединой Серебряного века – расцвета модернистских течений в литературе и искусстве и постклассического реализма.

«Настоящий XX век» (так назвала это время Анна Ахматова в своей *Поэме без героя*¹) длился в России с 1 августа 1914 по 26 декабря 1991 года, иными словами, с начала Первой мировой войны до окончательного распада Советского Союза. Первоначально «театр военных действий», как говорили в то время, располагался далеко от двух русских столиц и прочих культурных центров, где по-прежнему кипела литературная жизнь, а Серебряный век входил в последнюю фазу своего развития – авангардную, выражением чего явились гремевшие на всю страну выступления футуристов. Но в 1915 году, ровно через год после начала войны, один из наиболее талантливых и скандально известных футуристов – Владимир Маяковский провозгласил в своей поэме *Облако в штанах*, что страна стоит на пороге революционных событий. «В терновом венке революций грядёт шестнадцатый год», – писал он. Поэт ошибся совсем немного: революция грянула в феврале 1917 года.

Войну Россия по сути дела проиграла, но не это волновало тогда жителей России и солдат на фронте. Громовая весть об отречении царя от престола в единый миг породила целый ряд радужных надежд и требований: солдаты требовали немедленного мира, крестьяне – немедленного «справедливого» раздела земли, включая недвижимость землевладельцев, поровну между всеми «мужиками», рабочие – передачу заводов и фабрик в собственность выбранных ими фабричных комитетов. А все вместе требовали свободы, не желая принимать во внимание того, что любая свобода кончается там, где начинается несвобода других – отдельных личностей, социальных групп, групп интересов... Надежды, желания, интересы, а также растущая ненависть по отношению к мыслящим иначе породили невероятный хаос, который вмиг

¹ А.А. Ахматова, *Стихотворения и поэмы*, составление, подготовка текста и примечания В.М. Жирмунского, Ленинград 1979, с. 367.

охватил всю страну. Правительства, которые сменяли друг друга, были не в состоянии ни справиться с этим хаосом, ни стабилизировать обстановку на фронте, ни остановить надвигающуюся экономическую катастрофу. Попытка установить в стране военную диктатуру, предпринятая в августе 1917 года генералом Лавром Корниловым, также не увенчалась успехом. Всеобщая неуверенность в завтрашнем дне склоняла крестьянские, рабочие и солдатские массы ко всё более радикальным решениям, а бессильная парламентская демократия привлекала сравнительно небольшое число образованной элиты. В этой ситуации стали казаться привлекательными простые и ясные лозунги крайне радикальной фракции левых социал-демократов, которые называли себя коммунистами или большевиками: срочно заключить мир с немцами, отобрать заводы и фабрики у капиталистов и отдать рабочим, отнять землю у землевладельцев и разделить ее между крестьянами, организовать государственную раздачу хлеба и помощь нуждающимся и, наконец, внедрить в России так называемые «научные», ясные и справедливые принципы организации жизни, описанные в книгах классиков марксизма. Последнее касалось, однако, не всех жителей страны, а только самых бедных, которых называли пролетариями.

1. *Смерть мировому империализму!* Плакат Дмитрия Моора (1919)

Пролетарии должны были установить в стране свою диктатуру, отнимая личные и общественные богатства у представителей высших классов, которые веками добывали эти богатства самым нечестным путём – путём эксплуатации труда рабочих и крестьян. Высшие классы должны быть «в наказание» немедленно лишены всех личных, гражданских и политических прав. Это называлось экспроприацией экспроприаторов и иллюстрировалось бунтарско-демагогическим лозунгом – «Грабь награбленное!» Права человека и гражданина получают только беднейшие трудящиеся, организованные в советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые, в свою очередь, получают всестороннюю поддержку «пролетарского» государства. И, добавлю от себя, попадут под жесточайший контроль этого государства – не пролетарского, конечно же, а партократического, единственная политическая партия которого будет состоять из леворадикальных полуинтеллигентов, записавших себя в профессиональные революционеры, и их последователей, так называемых выдвиженцев. Осенью 1917 года вся эта псевдокоммунистическая демагогия становилась всё более и более привлекательной – и для беднейших слоёв общества, которые уже давно ненавидели всех богатых, «чистеньких» и образованных, которым надоел всеобщий хаос и бессилие демократических властей, и для радикальной части интеллигенции. Последняя чаще всего не желала возвращаться к старым, дореволюционным или даже довоенным порядкам и, подобно герою романа Бориса Пастернака Юрию Живаго, задавала себе вопрос: «А вдруг светлое будущее и настоящая, а не буржуазная свобода и справедливость и в самом деле восторжествуют впервые в мире именно тут, в нашей нищей, но по своему гениальной России?»

Всё это привело к тому, что военно-политический переворот 25 октября 1917 года вызвал очень слабое сопротивление верных Временному правительству сил и породил ощутимую симпатию у разных людей, ждавших исполнения вышеупомянутых обещаний – таких простых, ясных и однозначных, что очень хотелось сказать: «Только вперёд и прочь сомнения!» Неуёмная энергия погромщиков старого мира, которая сопровождалась весёлым уличным карнавалом социальных низов и которая была метко названа Александром Блоком «музыкой революции», привносила в русскую жизнь, привыкшую к казарменному строю и бюрократическим нравам, совершенно новую эстетику. Её сразу же заметили поэты и писатели. И даже решительные противники Октябрьской революции, такие как Иван Бунин, Михаил Булгаков или Марина Цветаева, не могли не заметить, что в октябре 1917 года имел место не просто военный переворот, а в самом деле *революция*, которая перевернула строй жизни так решительно и фундаментально, как ничто другое на протяжении всей русской истории. К этой проблеме я ещё вернусь.

Таким образом, наш курс истории литературы охватит не весь календарный XX век, а только советский период русской истории – с 1917 по 1985

год, от революции до начала горбачёвской перестройки. Последние годы прошлого столетия принадлежат уже совершенно новой эпохе, явившей собою переход к более открытому обществу, с гарантированными личными (но ещё не политическими) свободами – к обществу, имеющему своё продолжение в XXI веке.

Советский период в истории русской литературы можно в свою очередь разделить на несколько эпизодов:

Литература времён революции и Гражданской войны (согласно определению Анджея Дравича, «чрезвычайное положение»²) – с октября 1917 по март 1921 года;

Двадцатые годы (1921–1929) – время смелых художественных экспериментов, расцвета авангарда и фантастического реализма.

Тридцатые и сороковые годы (1929–1953) – времена господства тоталитаризма, количественное господство «социалистического реализма» в литературе. Однако в «тайной», не предназначавшейся для печати, литературе господствует нечто иное – фантастический реализм, мифический реализм, метафизический реализм, модернизм, сюрреализм...

Годы войны с гитлеровской Германией (1941–1945) – особая ситуация, период относительного ослабления репрессий и контроля над литературой, которая, в свою очередь, обратилась к военно-публицистическим темам, частично к патриотической пропаганде; бурное развитие поэтического творчества, лирики;

Послевоенный или позднесталинский период (1945–1953) – особенно трудное время для развития литературы: тут и шумные пропагандистские кампании – «ждановщина» (травля Михаила Зощенко и Анны Ахматовой), тут и борьба с «космополитизмом», казённое русофильство и народничество, а также насаждение литературы, изображающей «конфликты хорошего с лучшим»; в то же время ощутимый закат тоталитаризма;

«Пятидесятые годы» (1953–1955) – короткий переходный период между смертью Сталина и его частичным осуждением; постепенный поворот к оттепели, проблески гуманизма без идеологической направленности на «борьбу»;

Шестидесятые годы (1956–1968) – хрущёвская оттепель: необыкновенно бурный расцвет литературы, новые таланты, реализм, поздний модернизм и ранний постмодернизм; поиски новых форм и нового содержания по инерции продолжают и после отставки Никиты Хрущёва, вплоть до разгрома «пражской весны»;

Семидесятые годы (1968–1985) – дрейф в сторону историософии и метафизики, расцвет городской и деревенской прозы; философская поэзия, бурный расцвет неофициальной литературы, третья волна эмиграции, «самиздат» и «тамиздат».

² A. Drawicz, *Po przewrocie bolszewickim*, [в:] *Historia literatury rosyjskiej XX wieku. Praca zbiorowa*, под ред. A. Drawicza, Warszawa 1997, с. 175.

Литература эпохи революции и Гражданской войны

Революция или переворот?

В наше время, говоря о том, что произошло 25 октября (7 ноября по грегорианскому календарю) 1917 года в России, вместо принятого в советскую эпоху выражения «Октябрьская революция» (официально это звучало длиннее – Великая Октябрьская социалистическая революция) стали употреблять иное – октябрьский переворот. Так, например, Анджей Дравич в учебнике под своей редакцией говорит о большевистском перевороте (*przewrót bolszewicki*)¹. Так что же это было на самом деле – военный переворот, каких было в XX веке несметное множество (в Бирме, в Греции, в Чили и во многих других странах), или всё-таки революция, как во Франции с 1789 по 1794 год?

Конечно, вооружённое восстание в Петрограде в конце октября 1917 года, в результате которого государственная власть перешла от Временного правительства к большевикам или, по более радикальной версии, была ими узурпирована, является классическим военным переворотом. С другой же стороны, в результате этого переворота не просто одна власть сменилась другой (в данном случае недолговечная парламентская демократия – диктатурой), а изменилось всё: политический режим, общественный строй, экономический строй, государственная идеология, нравственные ценности, идеалы... На мой взгляд, правильнее всего было бы сказать, что октябрьский переворот явился переломным моментом целого процесса революционных перемен, который длился с начала Февральской революции 23 февраля (8 марта) 1917 года до конца Гражданской войны и провозглашения большевиками новой экономической политики (нэп) 16 марта 1921 года (по новому стилю), что привело к относительной стабилизации обстановке в стране и покончило с длинной чередой чрезвычайных положений.

¹ А. Drawicz, *Po przewrocie bolszewickim*, [в:] *Historia literatury rosyjskiej XX wieku. Praca zbiorowa*, под ред. А. Drawicza, Warszawa 1997, с. 173.

Зло и добро революции

С момента, когда в Петрограде впервые пропал хлеб в булочных, а царь Николай II отрёкся от трона, до момента временного, как впоследствии оказалось, возврата к частному предпринимательству и обилию товаров в магазинах прошло ровно четыре года. Четыре года ожесточённой, кровопролитной войны за установление нового общественного строя или за возврат к старому миру. Четыре года невообразимого хаоса, анархии, голода, эпидемий, грабежей, поджогов дворянских гнёзд, театров, картинных галерей и библиотек, четыре года обоюдного террора – и красного, и белого, расстрелов на месте без суда и следствия, четыре года чудовищных экспериментов на людях, массовой эмиграции и других многочисленных несчастий. Если вы хотите вообразить себе воочию всё то, что творилось в стране в эпоху революции и Гражданской войны, то прочитайте роман Бориса Пильняка *Голый год*, рассказ Евгения Замятина *Пещера* или фантастический рассказ Александра Грина *Крысолов*.

Но это только одна сторона проблемы. Революцию ни в коем случае нельзя рассматривать односторонне, единственно как кровавый кошмар. Ведь радикальное и несомненно жестокое разрушение старого порядка мира совершалось не ради самого разрушения (хотя были и анархисты, для которых разрушение любой общественной организации являлось самоцелью), а ради самых высоких, чуждых какой бы то ни было умеренности, экстремально оторванных от чувства реальности *идеалов*. Каких же именно? Самых разных. Люди мечтали, чтобы все бедные вдруг стали богатыми, чтобы вдруг исчезли все болезни, чтобы люди стали бессмертными, чтобы в магазинах всё было бесплатно, чтобы каждый мог стать учёным, музыкантом или художником, чтобы летать на космических кораблях к далёким звёздам, чтобы женщины раз и навсегда перестали быть служанками и кухарками мужчин, чтобы каждый деревенский мужик имел машину, ванную и телефон, чтобы люди стали летать, как птицы или даже перестали бы умирать... И чтобы всё вокруг было справедливо, то есть поровну, а все были бы равны: все одинаково богаты, все одинаково воспитаны, все одинаково умны и образованы, а самое главное – все одинаково счастливы.

Да, разумеется: эти идеалы были несбыточными, как бы оторванными от земных реалий, резко трансцендентными по отношению к окружающей действительности, к нищей, отсталой измученной войной России. А это значит, что это были *утопические* идеалы. Но то, что утопия наивна и несбыточна, ещё не значит, что она неинтересна, а тем более вредна и достойна презрения. Я советую вам поближе познакомиться с произведениями тех писателей и поэтов, которые были очарованы революцией и возлагали на неё большие надежды – Маяковского, Платонова, Олеси, Багрицкого, Каверина, Гайдара. Прочтите очень неплохо написанный ранний роман убеждённого сторонника большевизма Константина Федина – *Города и годы*.

Романтика революции – не пропагандистский миф, а реальное состояние той части молодого поколения, которое появилось на свет на исходе XIX века (1895–1900), которое несло в себе опыт бедного, безрадостного или невротического детства и страстно хотело перемен. Революция открыла этим людям путь к такому заманчивому счастью, о котором они не могли и мечтать при старом режиме – из глухой провинции в столицы, из промасленных мастерских или сожжённых засухой полей в университеты, театры, киностудии, в художественные мастерские и на вершину литературного Олимпа. Революция отменила черту оседлости и пятипроцентную иудейскую квоту в высших учебных заведениях², вследствие чего наиболее талантливые евреи ринулись из местечкового гетто в Москву и Петроград, чтобы стать писателями, композиторами, исполнителями, художниками, великими учёными. Революция уравнила женщин с мужчинами при поступлении в средние и высшие школы – и в науку пришли женщины-профессора, а в литературу – талантливые писательницы и поэтессы. Революция приказала забыть про позор безотцовщины, уравнив в правах детей, родившихся в законном браке, и тех, кого при старом режиме называли незаконнорождёнными. Я уже не говорю про такие очевидные и совершенно невозможные до революции вещи, как бесплатное обучение, бесплатное здравоохранение, пособия по болезни и оплачиваемые отпуска.

Но повернём революцию снова её черной стороной. Величайший русский философ и филолог XX века – Михаил Бахтин (1895–1975), который также принадлежал к поколению мировой войны и революции, к «непогибшим». В разговоре с литературоведом Сергеем Бочаровым он сказал про своё поколение: «Мы все должны были погибнуть»³. О чём это? Что значат эти слова?

«Мы» в данном случае означает современников Бахтина, а также Ахматову, Цветаеву, Мандельштама, Пастернака, Пришвина, Булгакова и ещё многих людей этого удивительно талантливого поколения, чьи способности проявили себя ещё до революции и даже до мировой войны. Они достигли успеха и познали счастье при старом режиме и, хотя многие из них относились к царской России весьма критически, никто из них не помышлял о насильственном свержении властей и установлении кровавой диктатуры во имя якобы победившего пролетариата. Жизнь при новом режиме означала для них дилемму: или уехать за границу (что многие и сделали), или остаться на родине ценою постыдных компромиссов и имитации просоветских

² Чертой оседлости называлась восточная граница территорий Российской Империи, на которых могли массово проживать подданные иудейского вероисповедания, в основном евреи. Эта граница почти полностью совпадала с восточной границей Речи Посполитой Обоих Народов до её первого раздела (1772). Пятипроцентная квота означала, что евреи могли составлять не более 5 % всех студентов.

³ См. об этом: С.Г. Бочаров, *Об одном разговоре и вокруг него*, [в:] Михаил Михайлович Бахтин. *Сборник статей*, под ред. В.Л. Махлина, Москва 2010, с. 68–69.

2. Михаил Бахтин. Начало 1960-х годов

симпатий, или оставаться верными самим себе и умереть. Умереть, потому что советская власть, провозгласившая лозунг непримиримой «классовой борьбы», ограничивала в правах, вытесняла из общественной жизни, а зачастую обрекала на физические страдания и смерть всех, кто позволял себе не только думать иначе, чем по-советски, но и высказывать свои мысли. Бахтину и ему подобным пришлось приспособливаться к новым нравам и новой идеологии, хотя принципы чести, в духе которых были они воспитаны, предполагали иной выход – умереть.

До конца двадцатых годов, пока партия, называвшая себя коммунистической, была занята экономическими вопросами и внутренними распрями в борьбе за власть, она до поры до времени оставляла литературу и искусство в покое. Поэтому четыре года чрезвычайного положения и восемь лет нэпа оказались временем небывалого расцвета литературы и искусства. Новаторством и поиском новых форм и нового содержания была проникнута деятельность обоих направлений или «поколенческих единиц» в рамках единого поколения, рождённого в 1895–1900 годы – и продолжавшего традиции Серебряного века (назовём его бахтинско-булгаковским) и вдохновлённого революцией, её утопическими чаяниями и её романтикой (назовём его маяковско-платоновским).

Трагедия поколения рождённых на рубеже XIX и XX века (писатель Василий Аксёнов назвал его поколением зимы) даёт о себе знать до сих пор, являясь, наверное, самой серьёзной преградой на пути развития современной

Библиография

Художественные произведения

- Абрамов Ф.А., *Пряслины. Трилогия*, Москва 1974, 814 с.
- Абрам Терц (Синявский Андрей), *Собрание сочинений в двух томах*, том 1, Москва 1992, 668 с.; том 2, Москва 1992, 653 с.
- Айтматов Ч., *Буранный полустанок (И дольше века длится день). Роман*, Москва 1981, 302 с.
- Айтматов Ч., *Ранние журавли. Пегий пёс, бегущий краем моря. Белый пароход. Прощай, Гульсары! Тополёк мой в красной косынке*, Москва 1978, 525 с.
- Аксёнов В., *Коллеги. Звёздный билет. Апельсины из Марокко, Пора, мой друг, пора. На полпути к луне*, Москва 1994, 636 с.
- Аксёнов В., *Москва Ква-Ква*, Москва 2007, 446 с.
- Аксёнов В., *Московская сага*, том I – *Поколение зимы*, Москва 1993, 315 с.
- Аксёнов В., *Московская сага*, том II – *Война и тюрьма*, Москва 1993, 336 с.
- Аксёнов В., *Московская сага*, том III – *Тюрьма и мир*, Москва 1994, 379 с.
- Алданов М., *Истоки*, том 1, Париж 1950, 382 с.; том 2, Париж 1950, 550 с.
- Астафьев В., *Повести*, Москва 1984, 678 с.
- Ахмадулина Б.А., *Избранное. Стихи*, Москва 1988, 477 с.
- Ахматова А., *Стихотворения и поэмы*, Ленинград 1979, 560 с.
- Бабель И., *Рассказы. Одесские рассказы. Конармия. Приложения*, Москва 2002, 523 с.
- Багрицкий Э., *Смерть пионерки*, [в:] *Русские поэты. Антология в четырёх томах*, том 4, Москва 1968, т. 4, с. 461–467.
- Бродский И.А., *Сочинения Иосифа Бродского*, том 1, Санкт-Петербург 2001, 301 с.; том 2, Санкт-Петербург 2001, 479 с.
- Булгаков М.А., *Пьесы*, Москва 1987, 654 с.
- Булгаков М.А., *Романы*, Москва 1988, 748 с.
- Бунин И.А., *Собрание сочинений в четырёх томах*, Москва 1988; том 1, 477 с.; том 2, 590 с.; том 3, 541 с.; том 4, 557 с.
- Бурлюк Д., Бурлюк Н., Кручёных А., Кандинский В., Лифшиц Б., Маяковский В., Хлебников В., *Пощёчина Общественному Вкусу. Стихи, проза, статьи*, Москва 1912, 113 с.
- Владимов Г.Н., *Собрание сочинений в четырёх томах*, Москва 1998; том 1, 549 с.; том 2, 349 с.; том 3, 459 с.; том 4, 461 с.
- Вознесенский А., *Антимиры. Избранная лирика*, Москва 1964, 224 с.
- Вознесенский А., *Взгляд. Стихи и поэмы*, Москва 1972, 207 с.
- Войнович В., *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина*, Москва 2003, 542 с.
- Высоцкий В.С., [магнитофонные записи] часть 1–2, Москва 2004, 2CD.
- Газданов Г.И., *Вечер у Клэр*, Москва 2018, 496 с.
- Гайдар А.П., *Избранное*, Москва 1980, 381 с.
- Галич А.А., *Стихотворения и поэмы*, Санкт-Петербург 2006, 381 с.
- Гастев А.К., *Поэзия рабочего удара*, Москва 1971, 303 с.
- Гладков Ф., *Цемент. Роман*, Москва 1969, 269 с.

- Грин А.С., *Собрание сочинений в шести томах*, Москва 1965; том 1, 462 с.; том 2, 482 с.; том 3, 477 с.; том 4, 399 с.; том 5, 477 с.; том 6, 406 с.
- Гроссман В.С., *Несколько печальных дней. Повести и рассказы*, Москва 1989, 431 с.
- Гроссман В.С., *Всё течёт...*, Москва 2010, 640 с.
- Гроссман В.С., *Жизнь и судьба*, Москва 1998, 650 с.
- Довлатов С., *Избранное*, Санкт-Петербург 2003, 699 с.
- Евтушенко Е.А., *Стихотворения*, Москва 1981, 158 с.
- Ерофеев В., *Москва–Петушки. Поэма*, Москва 2014, 192 с.
- Есенин С., *Гой ты, Русь моя родная...*, [в:] *Русские поэты. Антология в четырёх томах*, том 4, Москва 1968, т. 4, с. 136–137.
- Есенин С., *Ключи Марии*, [в:] Есенин С., *Полное собрание сочинений в семи томах*, т. 5, Москва 1997, с. 31–38.
- Есенин С., *Письмо к женщине*, [в:] *Русские поэты. Антология в четырёх томах*, том 4, Москва 1968, с. 159–161.
- Есенин С., *Стихи и поэмы*, Москва 1973, 375 с.
- Ефремов И., *Туманность Андромеды. Звёздные корабли*, Москва 1965, 462 с.
- Ефремов И., *Час быка. Научно-фантастический роман*, Москва 1970, 446 с.
- Жуковский В.А., *Певец во стане русских воинов*, [в:] *Русская поэзия XIX века*, т. 1, Москва 1974, с. 27–44.
- Зайцев Б.К., *Сочинения в трех томах*, Москва 1994; том 1, 527 с.; том 2, с. 587; том 3, 572 с.
- Замятин Е., *Мы. Роман. Рассказы. Эссе*, Екатеринбург 2002, 414 с.
- Зоценко М., *Избранное в двух томах*, Ленинград 1978; том 1, 528 с.; том 2, 424 с.
- Зоценко М., *Нервные люди. Рассказы*, Москва 2004, 253 с.
- Зоценко М., *Возвращённая молодость. Голубая книга. Перед восходом солнца*, Ленинград 1988, 718 с.
- Иванов Г.В., *Стихотворения*, Париж 1987, 143 с.
- Ильф И., Петров Е., *Двенадцать стульев*, Москва 1982, 304 с.
- Ильф И., Петров Е., *Золотой телёнок*, Москва 1982, 321 с.
- Исаковский М., *Летят перелётные птицы...*, [в:] *Русские поэты. Антология в четырёх томах*, т. 4, Москва 1968, с. 531–532.
- Каверин В., *Два капитана. Роман в двух книгах*, Москва 1979, 367 с.
- Каверин В., *Открытая книга. Трилогия*, Москва 1965, 461 с.
- Каверин В., *Перед зеркалом*, Москва 1972, 348 с.
- Катаев В., *Новая проза*, Москва 1977, 573 с.
- Катаев В., *Расстратчики. Время, вперёд!*, Москва 2004, 427 с.
- Кривулин В., *Стихи*, Париж 1982, 62 с.
- Лебедев-Кумач В., *Священная война*, [в:] *Русские поэты. Антология в четырёх томах*, т. 4, Москва 1968, с. 553–554.
- Леонов Л., *Барсуки. Роман*, Москва 1960, 366 с.
- Леонов Л., *Вор. Роман*, Москва 1982, 612 с.
- Леонов Л.М., *Пирамида. Роман-наваждение в трёх частях*, часть 1, Москва 1994, 734 с.; часть 2, Москва 1994, 683 с.; часть 3, Москва 1995, 654 с.
- Маканин В.С., *Где небо сходилось с холмами*, Москва 1984, 204 с.
- Маканин В.С., *Лаз. Повести и рассказы*, Москва 1998, 493 с.
- Мандельштам Н.Я., *Мой муж – Осип Мандельштам*, Москва 2014, 479 с.
- Мандельштам О.Э., *Когда я свалюсь умирать...*, [в:] О. Мандельштам, *Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи*, Тбилиси 1990, 218 с.
- Мандельштам О.Э., *Стихотворения, переводы*, Москва 1990, 637 с.
- Матвеева Н., *Избранное. Стихотворения, поэмы*, Москва 1986, 534 с.
- Маяковский В., *Избранные сочинения в двух томах*, Москва 1981; том 1, 543 с.; том 2, 558 с.
- Маяковский В., *Стихотворения. Поэмы*, Ленинград 1968, 630 с.
- Михалков С., *А что у вас?*, [в:] *Русские поэты. Антология в четырёх томах*, т. 4, Москва 1968, с. 774–775.

Summary

Lectures on the History of Russian Literature of the 20th Century (1917–1985)

This book is a reconstruction of the lecture course that was delivered by the author in the 2020–2021 and 2021–2022 academic years within the Russian Philology curriculum offered by the Jagiellonian University in Cracow. It focuses on the part of the literary process in Russia which chronologically coincides with the Soviet period of Russian history from the October Revolution in 1917 to March 1985, that is, before Mikhail Gorbachev came to power. This period had a dramatic impact both on literary creativity and accessibility of diverse literary products on top of the censorship and ideological prohibitions. The Soviet era is supposed to be a closed entity, which begs a monographic description, and this attempt was undertaken by the author of the book.

The first problem discussed in the lectures is the periodization of the literary process in 1917–1985. The traditional division into six periods has been retained, with the proviso that the last one, from Stalin's death in 1953 until the beginning of Gorbachev's "perestroika" in 1985, can be subdivided into three minor periods: the pre-thaw period (from March 1953 to February 1956), the period of the Khrushchev thaw itself (February 1956 – August 1968), and the "Brezhnev era," which dragged on for almost twenty years and is usually defined as a time of stagnation. The stagnation in politics and economics did not, however, lead to a regression or slowdown in literary development, as the turn to hitherto forbidden topics or the search for new forms of expression was replaced by an in-depth reflection in the field of existential philosophy, historiosophy, and psychology.

In the chapter devoted to the Revolution and the Civil War literature, much attention is paid to the phenomenology of the Russian revolution itself, the specifics of the revolutionary discourse, and its literary embodiment, i.e., the apology [= glorification] of technical progress in the poetry of the Proletcult, and necrophilia as an integral attribute of the class struggle, clearly expressed by both pro-Soviet and anti-Soviet sides of the poetic dialogue.

In some of the following chapters, an attempt to describe an unprecedented variety of literary life, aesthetic programs, poetic forms, and manifestations of the personal talents of individual poets, prose writers, and playwrights of the 1920s was made. The first of these chapters is devoted to the characteristics of the literary groups of that period, specifically, the RAPP, Lef, the Imagists, the Serapion Brothers group, the Pereval association, the Constructivist Literary Center, the Association of Real Art (OBERIU), and some others. The main problem discussed is the attitude of the representatives of these groups to the traditions of realism and modernism, as well as to such a new phenomenon as the avant-garde in European art. A separate chapter is devoted to Russian ego- and cubo-futurism. An extensive chapter examines the work of Vladimir Mayakovski before and

after the revolution. It is followed by a chapter on the poetry of Sergei Yesenin, including his connection with the New Peasant poets and Imagists. The third chapter about poetry is a section describing the verses and prose by Daniil Kharms as a “farewell” avant-garde artist who anticipated the future emergence of postmodernism.

Much attention in the published lectures is paid to the prose of the 1920s connected with the art of the avant-garde instead of the realistic traditions of the past. In this regard, the book presents several monographic chapters devoted to the creative work by Yevgeny Zamyatin, Boris Pilnyak, Fyodor Gladkov, Mikhail Zoshchenko, Ilya Orenburg, Ilya Ilf and Yevgeny Petrov, Valentin Kataev, Isaac Babel, Yuri Olesha, and Alexander Grin. An overview of the early prose of Mikhail Bulgakov, his dramaturgy, and his great novel *The Master and Margarita* is given in a separate chapter. Likewise, the author dwells in detail on the unique phenomenon of Andrey Platonov’s creation, including the specificity of his prose language.

The next period in the development of Russian literature (1929–1953) was marked by the dominance of totalitarian discourse, commonly defined as socialist realism. A special subsection is devoted to explaining the eclectic nature of this phenomenon, which carries many specific features of a simplified popular culture that managed to displace the avant-garde from Russian literary discourse. It is followed by several sections presenting authors officially allowed to read: Alexander Fadeev, Nikolai Ostrovsky, Konstantin Fedin, Leonid Leonov, Alexei Tolstoy, Mikhail Sholokhov, as well as several talented men of letters who often bypassed both avant-garde and socialist realism and who are less mentioned recently: Mikhail Prishvin, Konstantin Paustovsky, Reuben Fraerman, Arkady Gaidar, Yuri Tynyanov, and Veniamin Kaverin. This is followed by chapters devoted to three outstanding pre-revolutionary poets who continued to create in the 1920s and 1930s: Anna Akhmatova, Marina Tsvetaeva, and Osip Mandelstam. There are also two chapters on the playwrights of the 1920s and 1930s: Nikolai Erdman and Yevgeny Schwartz, as well as a brief review of the literature of the WW2 years (1941–45).

The author focuses most extensively on the last, post-war stage of the totalitarian period. The subject of the overview is the policy of the authorities in the field of literature, the so-called theory of “non-conflict,” and the creative work of individual writers loyal to the regime. The poetry and prose by Boris Pasternak are examined in detail; special attention is paid to his novel *Doctor Zhivago* and the persecution he suffered after being awarded the Nobel Prize. An extensive section represents the literature of the first wave of emigration. It looks at the creative work of such men of letters as Ivan Bunin, Boris Zaitsev, Mikhail Osorgin, Ivan Shmelev, Mark Aldanov, Gaito Gazdanov, Aladislav Khodasevich, Sasha Cherny, and Georgy Ivanov. The work of Vladimir Nabokov is examined with special care: the book presents an analysis of all his Russian stories and novels and, separately, the novel *Lolita*, popular all over the world, including Russia.

Russian literature of 1953–1985 is defined by the author as “the era of Soviet decadence.” This refers to the decline of post-totalitarian culture, which, however, did not preclude the appearance of a considerable number of remarkable works. A review of this period begins with a chapter on anti-totalitarian and especially prison camp themes: the works by Alexander Solzhenitsyn, Varlam Shalamov, Vasily Grossman, and Georgy Vladimov. Then the narrative switches to the so-called urban and youth prose of the 1960s and 1970s, represented by Yuri Trifonov, Vladimir Orlov, and Vasily Aksenov. They are supplemented with the Leningrad underground, specifically Sergey Dovlatov’s prose. In the next chapter, the reader will have the opportunity to get acquainted with the opposite

of Russian urbanism: the village or, more precisely, traditionalist prose by authors such as Fyodor Abramov, Viktor Astafiev, Vasily Shukshin, and Valentin Rasputin. The postmodern irony and fantastic grotesque of Abram Tertz, Venedikt Erofeev, Vladimir Voinovich, and Sasha Sokolov becomes the subject of the next chapter. The book features also a chapter on science fiction by Ivan Efremov and the Strugatsky brothers. A separate chapter is devoted to the analysis of the mythopoetic prose of Chingiz Aitmatov.

The book ends with two chapters on the poetry of the 1960s and 1970s, which is represented by Joseph Brodsky, Yevgeny Yevtushenko, Andrey Voznesensky, Bella Akhmadulinam and a number of bard poets, such as Bulat Okudzhava, Vladimir Vysotsky, Novella Matveeva, Alexander Galich, and Yuri Vizbor.

Prof. dr hab. Wasilij Szczukin, ur. w roku 1952 w Moskwie, absolwent Uniwersytetu Moskiewskiego, wieloletni pracownik Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego, od roku 1979 mieszka w Krakowie.

Autor ponad 400 prac naukowych, w tym kilku książek poświęconych problemom kultury, literatury i myśli rosyjskiej, geopoetyki i geokulturologii.

Василий Георгиевич Щукин, доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник Ягеллонского университета с многолетним стажем. Род. в 1952 году в Москве, с 1979 года постоянно живёт в Кракове. Автор более 400 научных работ, в том числе нескольких книг, посвящённых проблемам русской культуры, литературы и мысли, а также геопэтики и геокультурологии.

Предлагаемая читателю книга – не учебник в точном значении этого слова. Она содержит цикл лекций, которые автор читал студентам русской филологии Ягеллонского университета на третьем курсе бакалаврского цикла обучения. А лекции отличаются от учебника тем, что они тесно связаны с эмоциональными переживаниями как преподавателя, так и студентов. Лекции, как правило, интереснее учебника, потому что они рассчитаны на живое восприятие. А это значит, что они не лишены субъективности, которой всегда отличается живая мысль и спонтанная устная речь.

Автор счёл нужным дать студенту представление о литературной жизни всех эпох, сменявших друг друга в прошлом столетии, а также о творчестве и таких знаменитых на весь мир классиков литературы, как Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Александр Солженицын, братья Стругацкие, и о сочинениях тех русских классиков XX века, которые менее известны широким кругам читателей.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-735-4